Солнечный свет лился сквозь окна студии Fox Searchlight.

Голливуд кипел со своим обычным маниакальным пульсом, не обращая внимания на драму, разворачивающуюся в этих звуконепроницаемых стенах. Внутри парад актеров в поте лица воссоздавал мучительные испытания Арона Ралстона в каньоне Блюджон.

Студийное сооружение в виде узкого каньона, построенное из выветрившейся фанеры, окрашенной в выгоревшие на солнце оттенки пустыни. Это не было грандиозно, но ощущалось реально, отголосок пропасти в Юте, которая удерживала Арона Ралстона в ловушке 127 мучительных часов.

Это было место для прослушивания актеров, соперничавших за то, чтобы изобразить испытание Ралстона. Никаких искусственных теней или театрального грохота, только тихая интимность фанерных стен и гул верхнего света. Здесь в воздухе повисла необузданная мощь истории, безмолвный вызов.

Студия принимала одного актера за другим, каждый проходил прослушивание на роль Арона Ралстона.

Один актер по имени Джейми начал играть "Спуск Ралстона", и сцена превратилась в балет в каньоне, имитирующий ощущение, когда его правую руку сжимает валун, а в глазах пляшет маниакальный блеск.

Он был не Ралстоном, попавшим в ловушку и отчаявшимся, а пауком, попавшим в галлюцинацию из липкой бумаги. Донна нацарапала записку: "Слишком театрально, не хватает выдержки".

Джейми вышел из студии с удрученным выражением лица.

Следующим был Бен, дородный актер, похожий на лесоруба. Он пережевывал декорации с отчаянными мольбами Ралстона, выплевывая гравий сквозь стиснутые зубы. Донна поморщилась. "Перебор, Дэнни. Нам нужен кто-то, кто залезет нам под кожу, а не будет дубасить по ней ". Она обратилась к британскому режиссеру, а Дэнни, как всегда, ухмыльнулся, наслаждаясь зрелищем.

Лукас видел, как актеры один за другим покидали студию с удрученным выражением лица, и он не знал почему, но это слегка взволновало его, поскольку он нервничал все больше и больше.

Лукас даже заметил, как Джесси Айзенберг, известный по таким заметным работам, как "Социальная сеть", ранее покидал студию.

Пока Лукас терпеливо ждал, он попытался использовать свободное время, чтобы погрузиться в глубокие тайники своего сознания. Он не беспокоился о том, чтобы поспать двадцать минут, поскольку Лукас обнаружил во время предыдущего опыта на пассажирском сиденье самолета, что в его сознании время пролетало гораздо быстрее. Таким образом, двадцать минут в его сознании превратились всего в двадцать секунд в реальном мире.

Вот почему Лукас упорствовал в попытках проникнуть в своё сознание, чтобы воплотить роль Арона Ралстона.

После пяти минут попыток он, наконец, преуспел. Оказавшись в узком каньоне, он в точности напоминал место в каньоне Блюджон.

Лукас посмотрел на свои руки, которые казались незнакомыми. Погрузившись в персонажа, он почувствовал себя заядлым авантюристом-одиночкой, исследующим каньон Блюджон. Когда он шел по коридору, радость и покой окутали его.

"Бродить по каньону, исследовать реликвии прошлого, оставленные в каньоне, - вот это радость", - пробормотал Лукас в образе Арона Ральстона.

Он, по-видимому, испытывал чувства персонажа, исследуя огромный каньон будто в медитации.

В его сознании прошло восемь минут, но Лукас никуда не спешил.

Наконец, спустя девять минут, Лукас зашагал по узким проходам. Внизу проход, образованный миллионами лет водной эрозии, был едва достаточно широк, чтобы в него мог протиснуться человек.

Кем бы ни был Лукас или Арон, спускавшийся через серию водопадов и тесных ущелий, казалось, что он явно наслаждался одиночеством и вызовом отдаленного каньона.

Двигаясь по особенно узкому участку, Арон спустился, держась рукой за щебень. Внезапно его занесло сквозь стены, из-за чего он остановился. Его рука осталась на сдвинутом с места валуне, который затем расшатался и покатился вниз по каньону.

Когда Арона занесло ниже, думая, что это ускорит его спуск, он почувствовал что-то неладное. Посмотрев вверх, он увидел падающий камень. Он на мгновение замер, когда камень опустился.

Даже Лукас, поглощенный персонажем Арона Ралстона, почувствовал, что его погружение нарушено; он вышел из образа и больше не был Ароном.

Однако такой реакции можно было бы ожидать от любого обычного человека в такой момент.

Лукас почувствовал, как время растянулось, как будто он видел сон, его реакции замедлились. Камень ударился о его левую руку, отразившись в глазах Лукаса. Он отдернул левую руку назад, когда камень срикошетил, но только для того, чтобы валун раздробил его правую кисть и поймал в ловушку правую руку. Камень съехал еще на фут вниз по стене, удерживая его руку на буксире, содрав кожу с боковой стороны предплечья.

Лукас хранил молчание, неверие временно парализовало его. Он уставился на то, как его рука исчезает в небольшом промежутке между упавшим валуном и стеной каньона. Через несколько мгновений боль преодолела первоначальный шок.

Вспышка агонии повергла Лукаса в панику; это было похоже на ночной кошмар.

Хотя Лукас предвидел это раньше и подготовился, это казалось слишком реальным — ощущения, страх, боль!

"Кто я? Где я? Подожди! Я Аро— нет, Лукас! Это всё сон!" Казалось, он на мгновение забыл, кто он.

Лукас поморщился и уже собирался зарычать, когда понял, что вернулся в реальность.

Лукас все еще чувствовал ощутимый страх, его сердце сильно колотилось, когда он задерживал дыхание, привлекая внимание актера рядом с ним. Актер несколько секунд смотрел на Лукаса, прежде чем вернуться к чтению сценария.

С расширенными глазами Лукас подумал: "Это было не по настоящему. Фух. Это еще страшнее, чем я изначально думал ..." Он не мог представить, чтобы какой-нибудь нормальный человек оставался спокойным в тот момент.

"По крайней мере, я получил некоторое представление о том, что на самом деле чувствует человек в тот момент", - размышлял Лукас.

На самом деле, Лукас чувствовал, что может, по крайней мере, продемонстрировать тот же уровень страха, неверия и паники — эмоций, которые он испытывал в своем сознании, — без необходимости полностью становиться Ароном Ралстоном, просто оставаясь самим собой.

В конце концов, Лукас до сих пор живо помнил это: ощущения, свой страх, неверие и панику, и, самое главное, боль — жгучую агонию. Он никогда не испытывал ничего подобного в своей предыдущей жизни. То, что он изначально почувствовал, когда упал валун, в замедленной съемке, его чувства или эмоции были чем-то, что он не мог полностью описать.

Лукас вспомнил, как замедлилось время. Он не знал, было ли это потому, что он был внутри своего сознания, или встреча со смертью сделала это возможным, но Лукаса это действительно не волновало.

То, что произошло в его сознании, его попытка воспроизвести момент, когда Арон случайно зацепился правой рукой за каменную глыбу, было похоже на ночной кошмар. Лукас явно ожидал этого, но это было не совсем то, чего он ожидал.

Он даже на мгновение забыл, что находится в своем сознании, а не в реальности, из-за того, насколько точно его сознание воспроизводило реальность. Это было похоже на сон, в котором он забыл свою личность. Он не знал, было ли пребывание в его голове, игра персонажа похожим на сон. Вот почему в тот момент он на мгновение забыл, что он Лукас, и только когда почувствовал жгучую агонию, вспомнил, кем он был в своем сознании.

Но Лукас усвоил свой урок. В следующий раз он не был бы так шокирован и не потеряется в персонаже.

Не успел Лукас опомниться, как наконец настала его очередь проходить прослушивание. Он встал и пошел в студию.

http://tl.rulate.ru/book/107171/3902839